

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

#эксмогетство

Москва
2022

Часть первая

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Э то что за невидаль: *Вечера на хуторе*¹ близ *Диканьки*? Что это за вечера? И швырнул в свет какой-то пасичник!² Слава богу! ещё мало ободрали гусей на перья³ и извели тряпья на бумагу! Ещё мало народу, всякого звания и сброду, вымарали пальцы в чернилах! Дёрнула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в неё».

Слышало, слышало вещее моё все эти речи ещё за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захоlustья в большой свет — батюшки мои! — это всё равно как, случается, иногда зайдёшь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Ещё бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборвавшийся мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем? пошёл, мужик, пошёл!..» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок⁴

¹ Хутор — небольшая деревушка.

² Пасичник — пасечник, пчеловод.

³ То есть на перья для письма; до изобретения стальных перьев писали гусиными.

⁴ Подсудок — заседатель суда.

из земского суда, ни почтенный иерей¹, чем показаться в этот великий свет. А показался — плачь не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), — у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь, и наш брат припрячет своих пчёл в тёмный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонёк, смех и песни слышатся издалеча, бречит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас *вечерницы!* Они, извольте видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберётся в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретёна шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки² с скрипачом — подыметя крик, затеется шаль³, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только

---

¹ Иерей — священник.

² Парубок — парень.

³ Затёется шаль — начнутся шутки, потехи.

не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька¹. За что меня миряне прозвали Рудым Паньком — ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, соберутся накануне праздничного дня добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному и повыше пасичника сделали бы честь по-сещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпустить! Две из них найдёте в этой книжке. Он никогда не носил пестрядёвого халата², какой встретите вы на многих деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в тонком суконном балахоне, цвету застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его, у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дёгтя; но всякому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем³, какого, думаю, с радостью иной

---

¹ Рудóй, или рúдый — рыжий; Панькó — уменьшительное от Афанасий.

² Пестрядёвый халáт — из грубой полосатой ткани.

³ Сма́лец — бараний жир. (Примеч. Гоголя.)

мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху. А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели¹ или подкомории². Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдёт рассказывать — вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападёт. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабралси таких! Фома Григорьевич раз ему насчёт этого славную сплёл присказку: он рассказал ему, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латынщиком³, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на *ус*. Лопата у него — лопатус; баба — бабус. Вот, случилось раз, пошли они вместе с отцом в поле. Латынщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и — хватъ его по лбу. «Проклятые грабли! — закричал школьник, ухва-

---

¹ Заседа́тель — выборный член сельского суда.

² Подкомо́рий — судья, ведавший делами, связанными с проведением границ земельных участков.

³ Латы́нщик — знаток латинского языка.

тясь рукою за лоб и подскочивши на аршин. — Как же они, чорт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!» Так вот как! Припомнил и имя, голубчик! Такая присказка не по душе пришлась затейливому рассказчику. Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посереде комнаты, нагнул голову немного вперёд, засунул руку в задний карман горохового кафтана своего, вытащил круглую под лаком табакерку, щёлкнул пальцем по намалёванной роже какого-то бусурманского генерала и, захвативши немалую порцию табаку, растёртого с золою и листьями любистка¹, поднёс её коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, — и всё ни слова/ Да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя, чуть ли ещё не поговорку: *«Не мечите бисера перед свиньями»*. «Быть же теперь ссоре», — подумал я, заметив, что пальцы у Фомы Григорьевича так и складывались дать дулю. К счастью, старуха моя догадалась поставить на стол горячий книш² с маслом. Все принялись за дело. Рука Фомы Григорьевича, вместо того чтоб показать шиш, протянулась к книшу, и, как всегда водится, начали прихватывать мастерицу-хозяйку. Ещё был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нём) такие выкапывал страшные истории,

---

¹ Любисток, или любисток — травянистое растение; иначе называется зоря.

² Книш — испечённый из пшеничной муки хлеб, обыкновенно едомый горячим с маслом. (*Примеч. Гоголя.*)

что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда: ещё напугаешь добрых людей так, что пасичника, прости господи, как чорта все станут бояться. Пусть лучше, как доживу, если даст бог, до нового года и выпущу другую книжку, тогда можно будет постращать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину в православной стороне нашей. Меж ними, статья может, найдёте побасенки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, лень только проклятая рыться, наберётся и на десять таких книжек.

Да, вот было и позабыл самое главное: как будете, господа, ехать ко мне, то прямёхонько берите путь по столбовой дороге на Диканьку. Я нарочно и выставил её на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслушались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня¹. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. Приехавши же в Диканьку, спросите только первого попавшегося навстречу мальчишку, пасущего в запачканной рубашке гусей: «А где живёт пасичник Рудый Панько?» — «А вот там!» — скажет он, указавши пальцем, и, если хотите, доведёт вас до самого хутора. Прошу, однако ж, не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич третье-

---

¹ Курёнь — соломенный шалаш. (Примеч. Гоголя.)

го году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то что сам правил и что сверх своих глаз надевал по временам ещё покупные.

Зато уже, как пожалуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а мёду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесёшь сот — дух пойдёт по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что то за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло, так вот и течёт по губам, когда начнёшь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху¹ с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть путрю² с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть — объяденье, да и полно. Сладость неописанная! Прошлого года... Однако ж, что я, в самом деле, разболтался?.. Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному и поперечному.

Пасичник Рудый Панько

---

¹ Варенуха — варёная водка с пряностями. (*Примеч. Гоголя.*)

² Пу́тря — кушанье, род каши. (*Примеч. Гоголя.*)

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

I

Мені нудно в хаті жить.
Ой вези ж мене із дому,
Де багацько грому, грому,
Де гопцюють все дівки,
Де гуляють парубки!¹

Из старинной легенды

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нём ни облака. В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюблённую землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные

---

¹ Мне тоскливо жить в хате. Вези меня из дому туда, где много шуму, где девушки все танцуют, где парни веселятся.

массы листьев, накидывая на другие тёмную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщёт золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зелёных, гордо поднятых рамках... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, вёрст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра ещё тянулись нескончаемою вереницею чумаки¹ с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скучая своим заключением и темнотою; местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра² хвастливо выказывалась из высоко взгромождённого на возу плетня и привлекала умилённые взгляды поклонников роскоши. Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, владельца

---

¹ Чумаки — обозники, ездившие с Украины в Крым, главным образом за солью и рыбой.

² Макитра — глиняный горшок, в котором трут мак. Глиняная посуда на Украине обычно расписывается ярким цветным орнаментом.

сих драгоценностей, который медленными шагами шёл за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щёголей и кокеток ненавистным для них сеном.

Одиноко в стороне тащился на истомлённых волах воз, наваленный мешками, пенькóю, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брёл, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин. Ленивою рукой обтирал он катившийся градом пот со смуглого лица и даже капавший с длинных усов, напудренных тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице, и к уроду и насильно пудрит несколько тысяч уже лет весь род человеческий. Рядом с ним шла привязанная к возу кобыла, смиренный вид которой обличал преклонные лета её. Много встречных, и особливо молодых парубков, брались за шапку, поравнявшись с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляли это делать; стоило только поднять глаза немного вверх, чтоб увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с чёрными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на её очаровательной головке. Всё, казалось, занимало её; всё было ей чудно, ново... и хорошенькие глазки

беспрестанно бегали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке! Девушка в восемнадцать лет в первый раз на ярмарке!.. Но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило упросить отца взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служение, теперь на продажу. Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зелёной кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики красного только цвета, в богатой плахте¹, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке², придававшем какую-то особенную важность её красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на весёленькое личико дочки.

Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл³; издали уже веяло прохладю, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь тёмно-и светло-зелёные листья небрежно раскиданных по лугу осоков⁴, берёз и тополей засверкали

---

¹ Пла́хта — род юбки, состоящей из трёх полотнищ шёлковой или шерстяной материи, обычно яркого цвета, с широким поясом.

² Очй пок — род чепца, носимый замужними женщинами.

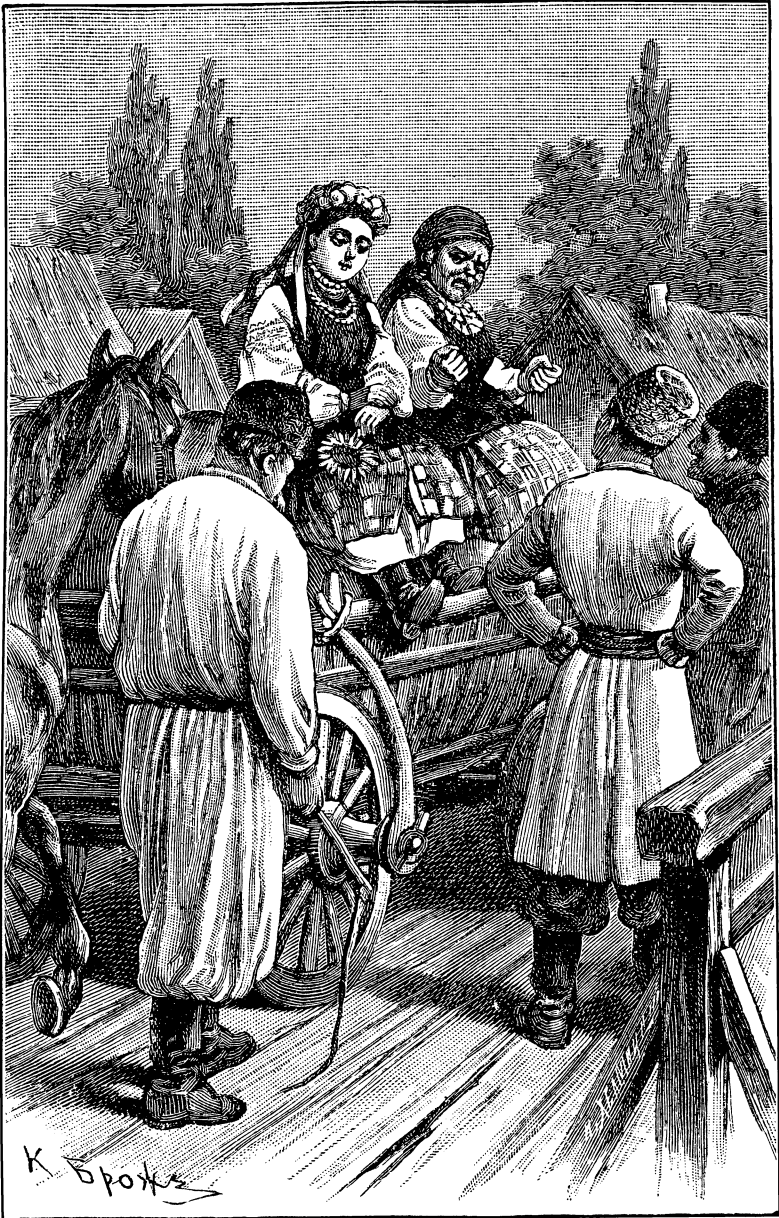
³ Псёл — приток Днепра.

⁴ Осоко́рь — один из видов тополей.

огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зелёные кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе её полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осенённую тёмною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам её конца нет, — она почти каждый год переменяла свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжёлые колёса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зелёные и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы — всё опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечник, которым исправно занималась во всё продолжение пути, как вдруг слова: «Ай да дивчина¹!» — поразили слух её. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих,

---

¹ Ді вчина, или дивчі на — девушка.

в белой свитке¹ и в серой шапке решетиловских смушек², подпёршись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть её насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесённое слово.

«Славная дивчина! — продолжал парубок в белой свитке, не сводя с неё глаз. — Я бы отдал всё своё хозяйство, чтобы поцеловать её. А вот впереди и дьявол сидит!» Хохот поднялся со всех сторон; но разряженной сожительнице медленно выступавшего супруга не слишком показалось такое приветствие: красные щёки её превратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождём на голову разгульного парубка:

«Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете чорт бороду обжёт!»

«Вишь, как ругается! — сказал парубок, вытирашив на неё глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий. — И язык у неё, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова».

«Столетней! — подхватила пожилая красавица. — Нечестивец! поди, умойся наперёд! Сорва-

---

¹ Свítка — род полукафтаны. (Примеч. Гоголя.)

² Ша́пка решетиловских смушек — из чёрного, мелкокудрявого бараньего меха. Овчины различались по породе овец: решетиловская — чёрная, мелкая; черкасская — белая, кудрявая и т. д.